

Церковная болезнь

Петр Дейниченко

Разговор о Русской православной церкви на страницах любого светского издания всегда оставляет чувство неудовства. Во-первых, людям церковным не по душе, когда об их делах рассуждают посторонние. Вторых, кажется, сегодня у всех нецерковных людей есть мнение о церкви, и вести разговор без предубеждения у большинства из них не получается.

В этом смысле издательствошло на риск, публикуя исследование Николая Митрохина — слишком уж к печальному для церкви выводу пришел автор. По существу, это книга о том, как Русская православная церковь все минувшие 15 лет (с начала 1990-х) последовательно упускала данный ей исторический шанс. И, похоже, упустила его окончательно и бесповоротно — если церковь когда-нибудь и займет заметное место в жизни общества, то не в нынешней России.

А ведь как хорошо все начиналось! Церкви доверяла «большая часть населения распадающейся СССР» — доверяла и надеялась. «Фактически, — отмечает Митрохин, — ей была предоставлена уникальная для религиозных институтов современности возможность вернуть

часть социальных функций (и имуществ), отобранных прежде государством». И что же получилось? К 2004 году пишет исследователь на последних страницах книги, Русская православная церковь «все более становится реликтом минувших веков... и одновременно разлагается организационно, превращаясь в замкнутое и плохо управляемое сообщество религиозного значения...»

Сурово сказано — но что поделает, если вся статистика говорит против церкви. Христианизации постсоветской России не произошло — мы по-прежнему являем собой общество безбожное и полужизнеспособное. Что бы там ни говорили о православной России, на деле число воцерковленных людей не превышает 10 процентов от населения России. Это было бы можно считать даже достижением, если бы эти воцерковленные несли бы Слово Божье людям, жили бы по-христиански, — нет, они чаще ведут себя, словно члены некоей секты, замыкаясь в своем кругу. Митрохин приходит к выводу, что «Церковь окончательно отказалась от идеи модернизации и адаптации к условиям постиндустриального общества, хотя и

эффективно использует некоторые его механизмы».

Примечательно, однако, что духовенство отнюдь не отказывается от претензии на духовное руководство всей страной — только вместо проповедей и личного примера уповает сегодня на взаимодействие с органами государственной власти: вот как бы государство взялось бы железной рукой возродить в стране православную веру. Упования эти, похоже, иллюзорные — объективно фундаменталистские и изоляционистские настроения в перспективе толкают церковь к конфликту с государством и обществом. Достаточно вспомнить, к примеру, забавный для людей светских, но вместе с тем очень глубокий конфликт вокруг ИНН.

Будущим историкам книга, несомненно, будет интересна подробным анализом внутренней жизни церкви. От внимательного (и пристрастного) взгляда автора не ускользнуло ничего — от формирования инициативы (лоббизм), что многие нынешние православные фундаменталисты вышли из среды хиппи: в их числе, к примеру, известный борец с сектами Александр Дворкин и

Митрохин Н.
Русская православная церковь: современное состояние и актуальные проблемы.

М.: Новое литературное обозрение, 2004. — 648 с. 2000 экз. (n) ISBN 5-86793-324-5

настоятель московского Сретенского монастыря архимандрит Тихон) до вопросов церковной экономики. Касается автор и самых скандальных и скользких проблем — гомосексуализма в церковной иерархии, существования группировок в епископате, политической активности церкви, в том числе лоббистская деятельность в Государственной думе.

Очевидно, что идеяная платформа РПЦ у автора ис-

сследования симпатии не вызывает. Он характеризует ее как последовательно антилиберальную, антизападную, ксенофобскую по отношению к этническим меньшинствам... этатистскую и антирыночную.

«Любой период либерализации общественной-политической жизни в России вызывает у нее (Церкви) опасения за свое будущее, а авторитарные тенденции, завышенные гаяк, набож-рот, внушают уверенность».

Именно поэтому, полагает Митрохин, 1990-е годы в «церковной коллективной памяти» связаны вовсе не с возрождением церкви, а «с упадком нравов и нашествием сектантов». Заметьте, что тут церковная коллективная память мало отличается от коллективной памяти народа — особенно если вспомнить авторский анализ социального облика верующих: по-прежнему основную массу верующих составляют бабушки «а на сметуalem разозоровавшимшми интеллигенция, "советские люди", ощущающие страх перед новыми временами, и полукриминальные предприниматели».

В этом смысле автору вполне реальным представляется дальнейшее вытеснение РПЦ

на периферию социальной и религиозной жизни. Разумеется, можно сказать, что мирские заботы все же не должны быть для верующих на первом месте, но все же даже в таком деле, как помощь страждущим, Русская православная церковь проигрывает протестантским конфессиям, ибо вместо реальной помощи большим сосредотачивается на отвлечении обрядов и катехизации; еще более печальным, по Митрохину, представляется стремление РПЦ «добиться признания собственных практик в качестве медицинских средств».

В предисловии Митрохин специально предупреждает, чтобы работу его не считали коллекцией компромата. По мере чтения убеждаешься, однако, что книга получилась очень тенденциозной. Получается, что Русская православная церковь серьезно больна, и болезнь эта грозит всему российскому обществу. Она не лечится ни политическими, ни административными мерами: вся надежда на духовное возрождение страны. Другое дело, что РПЦ в нынешнем своем состоянии вполне может оказаться пассивным «наблюдателем и критиком».